

УДК 141.5
ББК 87.52

БЕСОВЩИНА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

М.Ю. Прокопьева

В статье рассматривается феномен бесовщины как укорененный, с одной стороны, в обществе и культуре, с другой – во внутреннем мире человека и системе его ценностей. На материале философской и художественной литературы проанализированы социокультурные и ментальные условия возникновения человека-«беса».

Ключевые слова: бесовщина, ничто, нигилизм, радикализм, утопизм, свобода.

Понятие «бесовщина» в историю культуры было введено Ф.М. Достоевским, в творчестве которого, как ни в чем другом, рассмотрены метаморфозы нигилизма, являющегося отличительной чертой русского менталитета, что особенно ярко проявляется в кризисные, переломные моменты российской истории. «Бесовщину» русский писатель определял как социокультурное явление, обозначающее разрушающее начало мира и человеческого сознания.

В философии проблема бесовщины не сформулирована и не исследована. Поскольку понятие «бесовщина» не имеет философского статуса, чтобы выявить сущность бесовщины как социокультурного феномена, необходимо определить его место в теоретическом поле языка и морали и вписать в систему философских категорий.

Лингвистический, логический и гносеологический анализ слов и содержащихся в них понятий, близких понятию «бесовщина» (производные от «беса»: дьявол, сатана, демон, черт, их персональные корреляты: Вельзевул, Люцифер, Ваал, Антихрист), позволяет считать их онтологическими репрезентантами мирового зла. Сущность бесовщины необходимо искать в природе зла как альтернативе добра. В понимании природы зла существует три основных подхода: согласно одному, зло субстанциально, изначально заложено в самой сути бытия в силу его несовершенства и порождает множество отрица-

тельных явлений в жизни людей; согласно другому, зло феноменально, связано с внутренним миром человека, его субъективностью; согласно третьему, зло связано с деятельностью человека, его включенностью в общественные процессы и представляет соединение субъективного и объективного. Исследование проблемы зла, его субстанциальных и феноменологических характеристик позволяет прийти к пониманию бесовщины как феномена, который имеет основания как в обществе и культуре, так и во внутреннем мире человека, его психике и системе ценностей.

При диалектическом подходе «бесовщина» понимается как единство противоположностей – утверждения и отрицания, представляя утверждение, в основе которого лежит отрицание. Поэтому категориальный анализ понятия «бесовщина» начинается с таких исходных философских категорий, как «бытие» и «ничто». С лингвистической точки зрения «ничто» есть слово, в прямом значении отрицающее существование чего-либо, но в историко-философских учениях существуют различные трактовки «ничто», что позволяет квалифицировать его следующим образом:

1. *Ничто как отрицание* (Парменид, Аристотель, Плотин). Оно не существует само по себе, а в относительном смысле существует лишь в некоторых категориях (не-белый, никогда), но все же не в категории сущности, ибо сущности ничего не может противопоставляться; о ничто ничего нельзя сказать: ни того, что оно есть, ни того, что его нет; это пустая абстракция, ничего не обозначающая в метафизическом мышлении.

2. *Ничто как творение* (А. Августин, И. Экхарт). Божественное ничто оказывается Нечто, и в пустоте своей отрицательности связано с тем *что*, от бытия которого оно образовано, и следовательно, в мышлении понятие «ничто» зависит от содержания «что». Сотворенность же вещей «из ничего» обуславливает их изменчивость, которая располагает к появлению зла.

3. *Ничто как условие становления* (буддизм, даосизм, Демокрит, Г.В.Ф. Гегель, Ф. Ницше). Выступает как место бытия, основа сущего, которое само по себе не имеет сущностного начала; пустота, которая является необходимым условием для существования множества, движения и изменения; ничто не существует, потому что не мыслимо; чистая возможность, пассивность и зависимость, и эти качества оно передает каждой конкретной вещи.

4. *Ничто как экзистенция* (И. Кант, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр). Постоянно колеблющаяся граница, которая отделяет сознание от самосознания и также их соединяет, давая определенность. Ничто существует отдельно от человека, остается за границами человеческих сил, человек предстает перед Ничто в состоянии ужаса, но оно (ничто) не затягивает его, а направляет к сущему, а значит, и к самому себе. Человек становится носителем ничто, и в определенном смысле сам становится этим ничто.

Следовательно, «ничто», являясь основой сущего, не имеет сущностного начала, дает некую определенность, негативную или позитивную, проявляющуюся в становлении. Общую языковую основу с понятием «ничто» имеет «нигилизм» (лат. nihil), имеющий и место, и имя, и представляющий собой абстрактное мышление, лишённое рефлексии, «голое» отрицание, негативность, обоготворение пустоты. Ничто имеет более позитивное значение, чем нигилизм, ибо последний всегда представляет только отрицание. Ничто породило нигилизм и стало его философской основой. По мнению Хайдеггера, «слово “нигилизм” говорит о том, что в том, что именует оно, существенно nihil, Ничто. Нигилизм означает: Ничто же несть со всем во всех аспектах. А “все” – это сущее в целом. ...Нигилизм означает, что ничто же несть с сущим как с це-

лым. Однако сущее в том, что оно и как оно, – из бытия. Если положить, что всякое «есть» – из бытия, тогда сущность нигилизма состоит в том, что ничто же несть с самим бытием» [12, с. 75–76].

Кроме нигилизма сущностными свойствами бесовщины являются радикализм и утопизм. Впервые разрушительный религиозно-политический радикализм появляется в истории России в эпоху церковного раскола XVII века, который привел к проповеди самоожжения, бунта против царской власти и государства. Вторая эпоха русского радикализма появилась уже в XIX–XX веках, когда часть интеллигенции становится радикально-революционно настроенной и направляет свою энергию не только против царской власти и церкви, но и против всей традиционной России и русского народа. Третья эпоха русского радикализма пришлась на 90-е годы XX века, это так называемый демократический радикализм, который породил либеральный беспредел, разгром и расчленение страны.

А.И. Демидов усматривал в радикализме тенденцию, характеризующуюся «устойчивым предпочтением решительных действий в политике всем иным действиям ...уверенностью в наличии быстрых и простых решений сложных проблем и стремлением к их реализации ...непоколебимым чувством собственной правоты» [4]. Радикалы не поступаются принципами, они всегда смотрят в суть, в корень дела (лат. radix – «корень»), применяя при этом крайние меры, в обществе они играют дестабилизирующую роль, способствуют конфронтации политических сил, провоцируют углубление конфликтов. Таким образом, радикализм есть нарушение (вольное или невольное, сознательное или бессознательное) истинной меры качества любой человеческой практики, ведущей к ее самоотрицанию. Нигилизм и радикализм, используемые в сфере политики, представляют политические установки, обуславливающие общественно-политическую практику и систему политических действий, основанные на догматизме мышления и вере в сакральные лозунги и призывы, отказе от позиции компромисса и диалога, выбирающие для этого насильственные средства и пренебрегающие ненасильственными.

Радикализм можно считать принципом утопического сознания, так как радикал – это человек, который без всякой жалости готов разрушить мир «неправды», свергнуть «антинародный режим», чтобы построить «город солнца», страну-«утопию». Утопическое сознание основывается на вере, а потому позволяет пренебречь строгими аргументами о реальности гипотетического будущего, а установка на превращение идеала в действительность приводит к конструированию социальных утопий.

Утопизм воспринял от утопии разделение мира на истинный и неистинный. Преодоление барьеров между миром таким, какой он есть, и таким, какой он должен быть, создает предпосылки не принимать этот исторически сложившийся мир, а, отвергнув и разрушив его, создать заново такой мир, который соответствует заданным принципам. Тут-то утопия и утрачивает свое позитивное начало: не имея истории, ценности заменяются целями, а цели по мере своего осуществления становятся средством для последующих целей. Потому идеальный строй поднимается над этической сферой, «превращается в над-этическую силу, которой должно быть “все позволено”, где нет места свободе, а только порядок, который очень строго регламентирует человеческую жизнь» [10, с. 85]. Утопические проекты переделывают то конкретное общество, которое они отрицают, в чем проявляется переход позитивной утопии в негативный утопизм.

Современный радикализм и утопизм являются своеобразными «превращенными формами» видения и осмысления социальных идеалов, которые стремятся разрушить национальную традицию, подчинить народ служению утопическим идеологическим проектам, осуществить неотвратимую смену одних форм общественного и государственного устройства другими. В отличие от реформизма утопизм ставит задачу не совершенствования действительности, а ее уничтожения и создания новой, соответствующей определенным идеалам. Утопист, по мнению Е. Шацкого, «может быть только дуалистическим. Это человек, всегда рассуждавший по схеме “или-или”. Он думает не об изменении общественных отношений, но о замене плохих отношений хорошими. Он сжигает мосты между иде-

алом и действительностью прежде, чем они построены» [14, с. 35].

Презрев реальный мир, люди создают себе иллюзорные, утопические миры, видя в них абсолютную, вечную истину бытия. Но эти миры, а с ними и абсолютная истина начинают рушиться, разрушая и веру в разум и истину. В результате мир утрачивает всякий смысл и ценность, ибо нет основы для цели, ценности и смысла, но тем самым утрачивается и основа для творчества, без чего жизнь человека превращается в «механическое» подражание жизни, что ведет к деградации, упадку, Ничто. Тем самым, по мнению Ницше, мысль, которая расчищает место для того, что является пока еще неизвестным и отдаленным будущим, и является нигилизмом – полностью лишенным иллюзий представлением о мире [9, с. 620].

Следовательно, выстраивается нигилистический тип культуры, характерный для России XIX века и являющийся благодатной почвой для интеллигенции, выступающей против консервативных ценностей (государства, нации, религии) и перерастающий в метафизический бунт [6] – протест против Бога. Вместо Бога в таком типе культуры выступает абсурд – освобождение от утешительных иллюзий о «том свете» и о торжестве справедливости в век прогресса, а существенными чертами абсурдного мироощущения становятся «ненависть», «тошнота», «разлад» с окружающим миром. Человек, являющийся существом, которое отрицает для того, чтобы утвердить свое бытие и свою особость, обречен бунтовать, а значит, обречен к саморазрушению, он становится человеком-«бесом».

П.Я. Чаадаев, анализируя исторические тенденции развития России и рассуждая о специфике русской ментальности (мы употребляем понятия «менталитет» и «ментальность» как тождественные, обозначающие склад ума, мировосприятие, мышление, психологию, «способ мыслить, оценивать действительность, принимать решение» [8, с. 312] как отдельного человека, так и групп, общностей людей), увидел основу российской жизни в отсутствии гарантий для свободы личности, в подавлении человека и в результате – постоянную готовность русских людей к бунту, который перерастает во всеобщий разброд,

хаос, не знающий ни границ, ни форм, ни норм [13]. В свою очередь, Н.А. Бердяев, опираясь на исторический опыт развития России, выделял противоречивые особенности русского национального самосознания: «Деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоование и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [3, с. 14–15].

Национальный характер, как и социальный, являются формами проявления человеческой энергии, возникающей в процессе адаптации потребностей человека к определенному образу жизни и выбирающей то или иное русло при данном общественном строе [11, с. 355]. Эта человеческая энергия проявилась в России в нигилизме – у интеллигенции и православной религиозности – у народа. Но если национальный характер выражает общественные потребности и общественные интересы бессознательно, то в социальном характере они рефлексируются, приобретают идеологическую направленность, что и проявилось в большей степени в русской интеллигенции. «Интеллигентские *переживания*, – утверждает С.М. Климова, – становятся тем “бытием”, которое и является трансцендентальной субъективностью в ее смысло-конституирующей деятельности» [7, с. 68]. Русская интеллигенция всегда стремилась создать для себя тоталитарное, целостное мирозерцание, в котором правда-истина будет соединена с правдой-справедливостью, и через это тоталитарное мышление искала совершенной жизни. Но, стремясь к прогрессу, революции, последним достижениям мировой цивилизации, интеллигенция подходила к глубокому и острому осознанию пустоты, уродства, бездушия и мещанства результатов общественного прогресса, возникновению технической цивилизации, весьма далекой от идеалов человечности.

На «благодатной почве» российской истории, таким образом, рождается и становит-

ся распространенным тип человека-«беса», вобравший в себя черты религиозно-мистического прототипа (дьявола, сатаны, беса и т. д.) и особенности русского менталитета, явившийся «исчадием ада», «злом во плоти». Русская интеллигенция XIX века выступает антропологическим носителем бесовщины. Главной, неотъемлемой ее чертой становится нигилизм, в основе которого лежит православное мироотрицание, ощущение мира лежащим во зле, признание греховности всякого богатства и роскоши жизни, всякого творческого избытка в искусстве. Нигилисты пытались отрицанием «расчистить почву» от неприемлемого, ненужного, создать ничто, пустоту для формирования нового *что*.

В качестве сущностных характеристик человека-«беса» можно выделить нигилистическое отношение к дворянской культуре и идеологии либерализма; фанатичность, состоящую в безусловной преданности делу служения народу, в принципиальности, переходящей в догматизм; партийность, то есть пренебрежение истиной ради «идеи»; оппозиционность, состоящую в отщепенстве, отчуждении от государства и враждебности ему, переходящую в беспочвенность (безродность); деспотизм и насилие, базирующиеся на определенной идеологии; альтруизм и донкихотство, проявляющиеся в служении нуждам народа ради осуществления абсолютного народного счастья; атеизм, трансформирующийся в религию служения народу; мужество и силу духа, выросшие из «самочувствия мученичества» и породившие самообожествление.

Культура пытается смягчить конфликт между человеком и социальной реальностью, но люди-«бесы» являлись создателями «отрицательных доктрин», были гораздо сильнее в критике, отрицании, отбрасывании устоявшихся социокультурных ценностей и норм, чем в создании новых, хотели освобождения личности, во имя чего «низвергали религию, философию, искусство, мораль, отрицали дух и духовную жизнь. Но этим они подавляли личность, лишали ее качественного содержания, опустошали ее внутреннюю жизнь, отрицали право личности на творчество и на духовное обогащение» [1, с. 47]. Личность разрушала себя изнутри, лишалась национальной и духовной самоидентичности.

Нигилизм, радикализм, утопизм являются не только принципами, организующими общественную и личную жизнь, но и ценностным содержанием общественного и индивидуального сознания. Если они становятся доминирующими ценностями человека-индивида, то он превращается в носителя и субъекта бесовщины, в человека-«беса», что проявляется в его сознании и поведении в форме своевольной свободы.

Человек, как это убедительно показал экзистенциализм, является свободно выбирающим существом, но путь свободы трагичен, ибо человеку присущи иррациональные стремления – греховные помыслы, бессознательные влечения Эрос и Танатос, эгоистические желания, слепое отрицание духовных ценностей. Поэтому человек может не только сознательно выбирать закон права и морали, но и отрицать его, и тогда «свобода переходит в своеволие, в бунтующее Самоутверждение» [2]. Вся жизнь человека представляет испытание человеческой свободы, борьбу человека с разного рода искушениями. Сущностью бесовщины как раз и является искушение человека свободой.

Взяв за основу библейскую историю искушения Христа, Достоевский переосмыслил ее в Легенде о Великом Инквизиторе. Три искушения, которым подвергал дьявол Христа в пустыне, были направлены против свободы человеческого духа, и каждое из искушений символизирует тот или иной лик бесовщины.

Первое искушение – это искушение материальным благополучием («Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» [Мат. 4 : 3]), соотносимого с одержимостью идеей «хрустального дворца» (Н.Г. Чернышевский). Люди-«бесы», создавая проекты счастливого общества, ведут людей к «хрустальному дворцу», вовлекая их в хаос и направляя к антропологической границе, переступая которую, человек теряет индивидуальность, свободу, духовность. «Роковая диалектика» своевольной свободы приводит, как писал Н.А. Бердяев о «бесах»-революционерах, изображенных Достоевским, «к системе «безграничного деспотизма» Шигалева, П. Верховенского, Великого Инквизитора. Это – одна и та же система. В ней совершается отречение от свободы человеческого духа во имя счастья людей» [2, с. 431].

Второе искушение есть искушение чудом, тайной и авторитетом («Потом берет Его дьявол в святой город и ставляет Его на крыле храма, И говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: “Ангелам Своим заповедал о Тебе, и на руках понесут Тебя, да и не преткнешься о камень ногою Твоею” [Мат. 4 : 5, 6]) символизирует путь в “подземелье” личного духа. Трагическое метание “подпольных” людей определяется двойственностью, антиномичностью их натуры: злоба и доброта, рационализм и иррационализм, здравомыслие и атеизм, скептицизм и романтизм, человеконенавистничество и восторженное мечтательство о благодеяниях для всего рода человеческого, самомнение и мнительность, эгоизм и альтруизм. Все эти противоположные качества подпольного человека, концентрируясь в Я, становятся содержанием внутреннего мира человека «подполья». Люди подполья – «...невольники, хотя и созданы бунтовщиками. ...Бунтовщики слабосильные, собственного бунта не выдерживающие. ...Неспокойство, смятение и несчастье – вот теперешний удел людей» [5, с. 268–269], становящихся «бесами» и создающих духовный и социальный суррогат жизни, демонстрирующей якобы свободу своего выбора и самостоятельность поступка, нежелание превращаться в «винтик» или «штифтик». Но это свобода «от», а не свобода «для». Вместо внутренней личной свободы человек-«бес» обретает чувства страха, бессилия, тревоги, вражды к людям.

Третье искушение представляет искушение властью («дьявол... показывает Ему все царства мира и славу их, И говорит Ему: все это дам Тебе, если падши поклонись мне» [Мат. 4 : 8, 9]), символизирует путь к сверхчеловеку. Человек-«бес» претендует на то, чтобы играть роль Бога, а возведенный в ранг земного бога, начинает относиться к другим людям как к предмету, винтику, средству для достижения своих целей. Сознательный выбор зла, самоутверждение в роли Бога ведет к тому, что свобода оборачивается своеволием, которое разрушает моральность человека, к демонизации души, политике организованного насилия над людьми, что не раз демонстрировали в истории деспоты, диктаторы, фюреры, генсеки.

Три искушения Христа в Легенде о Великом Инквизиторе развенчивают различные искушения свободы: свободу ума, которая превращается в голый рационализм; свободу воли, которая превращается в отрицание общечеловеческих ценностей; свободу желаний, которая превращается в разрушительный эгоизм звериности и сладострастия. По Достоевскому, свобода выбора не является самоценностью, а должна быть соединена с общечеловеческой нравственностью, содержание которой воплотилось в христианском учении о ценностях. Три искушения свободы представляют собой три формы бесовщины, водворенной в индивидуальную и общечеловеческую жизнь человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
2. Бердяев, Н. А. Миросозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев // Бердяев, Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Н. А. Бердяев. – М. : Изд-во АСТ ; Харьков : Фолио, 2004. – С. 387–528.
3. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев // Бердяев, Н. А. Самопознание: Сочинения / Н. А. Бердяев. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 1997. – С. 11–248.
4. Демидов, А. И. Политический радикализм как источник правового нигилизма / А. И. Демидов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://ufnovgu.narod.ru>.
5. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы : роман в четырех частях с эпилогом: Ч. 1–2 / Ф. М. Достоевский. – М. : Сов. Россия, 1987. – 352 с.
6. Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство : пер. с фр. / А. Камю. – М. : Политиздат, 1990. – 415 с.
7. Климова, С. М. Русская интеллигенция: маятник бинарного сознания / С. М. Климова // Человек. – 2006. – № 3. – С. 62–71.
8. Краткий словарь иностранных слов. – М. : Рус. яз., 2005. – 626 с.
9. Ницше, Ф. Воля к власти / Ф. Ницше // Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Посмертные афоризмы : пер. с нем. / Ф. Ницше. – Минск : Харвест, 2003. – С. 587–919.
10. Флоровский, Г. В. Метафизические предпосылки утопизма // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – С. 78–98.
11. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – Минск : Харвест, 2003. – 384 с.
12. Хайдеггер, М. Слова Ницше «Бог мертв» / М. Хайдеггер // Хайдеггер, М. Ницше и пустота / М. Хайдеггер ; сост. О. В. Селин. – М. : Алгоритм ; Эксмо, 2006. – С. 9–78.
13. Чаадаев, П. Я. Философические письма / П. Я. Чаадаев // Сочинения / П. Я. Чаадаев. – М. : Правда, 1989. – С. 15–296.
14. Шацкий, Е. Утопия и традиция : пер. с польск. / Е. Шацкий ; общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. – М. : Прогресс, 1990. – 456 с.

EVIL SPIRIT AS A SOCIAL CULTURAL PHENOMENON

M. Yu. Prokopyeva

The article determines the status of “evil spirit” phenomenon in philosophy and considers its existence in spiritual culture in terms of Russian literature.

Key words: *evil spirit, nothing, nihilism, radicalism, utopianism, freedom.*